

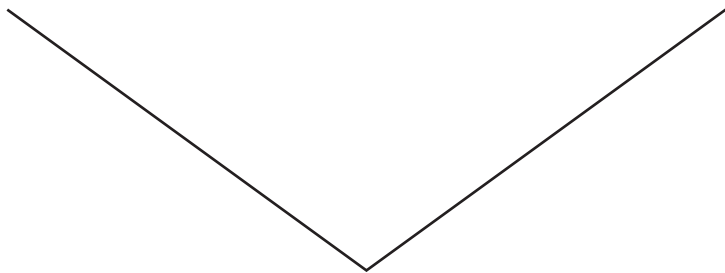
Марина Горбунова

**Старший дизайнер коммуникаций
в Карьерном портале Яндекса**

Ворон По — жуткая птица, которая выучила одно слово и свела с ума человека. Сам По тоже ворон: он первым начал пугать читателей безнадежным «nevermore». А потом на его книгах выросли Кинг, Хилл, Баркер. Выросли, подхватили страшное слово и говорят с нами языком хоррора сейчас.

Ворон

Эдгар Аллан По

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Сое)я44

П41

Edgar Allan Poe

THE RAVEN

Иллюстрация на обложке

Марина Горбунова

П41 По, Эдгар Аллан. Ворон : [перевод с английского] / Эдгар Аллан По. – Москва : Эксмо, 2026. – 192 с. – (100 из 100. Суперсерия).

ISBN 978-5-04-230855-0

Издание открывает самое известное стихотворение Эдгара По «Ворон», в котором герой переживает мучительную потерю и вечное одиночество, общаясь с загадочной птицей – символом судьбы и неизбежной смерти. В сборник также вошли рассказы «Маска Красной Смерти», «Сердце-обличитель», «Лигейя», «Вильям Вильсон» и другие знаковые произведения автора. Его истории завораживают и заставляют поверить в необъяснимое. Они позволяют читателю составить наиболее полное представление о многогранности таланта писателя – непревзойдённого создателя фантазмагорий, мистических аллюзий и кошмаров.

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Сое)я44

© Александрова З., перевод на русский язык. Наследник, 2026

© Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2026

© Хинкис В., перевод на русский язык. Наследник, 2026

© Облонская Р., перевод на русский язык. Наследник, 2026

© ООО «Яндекс Музыка», художественное оформление, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230855-0

Стихотворения

Ворон

(Перевод К. Бальмонта)

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный
тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук
раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь
ко мне.
«Это верно, – прошептал я, – гость в полночной
тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета! Как я тщетно ждал
ответа
На страданье, без привета, на вопрос о ней, о ней,
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней,
О светилах прежних дней.

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством
сердце мне.

Непонятный страх смиряя, встал я с места,
повторяя:
«Это только гость, блуждая, постучался в дверь
ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной
тишине, —
Гость стучится в дверь ко мне».

подавив свои сомненья, победивши опасенья,
Я сказал: «Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, и стук
неясный
Слишком тих был, стук неясный, — и не слышал
я его,
Я не слышал», — тут раскрыл я дверь жилища
моего; —
Тьма, и больше ничего.

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял
я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого;
Но как прежде ночь молчала, тьма душе
не отвечала,
Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца
моего, —
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его,
Эхо, больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся — обернулся —
содрогнулся, —
Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.
«Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь
пошевелилось,

Там за ставнями забилося у окошка моего,
 Это ветер, усмирю я трепет сердца моего,
 Ветер, больше ничего».

Я толкнул окно с решеткой — тотчас важною
 походкой
 Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон
 старых дней,
 Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел
 спесиво,
 И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности
 своей,
 Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью
 был моей,
 Он взлетел — и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
 Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
 «Твой хохол ощипан славно, и глядишь
 ты презабавно, —
 Я промолвил, — но скажи мне: в царстве тьмы,
 где Ночь всегда,
 Как ты звался, гордый Ворон, там, где Ночь царит
 всегда?»

Молвил Ворон: «Никогда».
 Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало,
 Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
 Да и кто не подивится, кто с такой мечтой
 сроднится,
 Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь когда —
 Сел над дверью — говорящий без запинки,
 без труда —
 Ворон с кличкой: «Никогда».

И, взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове «Никогда»,
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул
он,
Я шепнул: «Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как Надежды, навсегда».
Ворон молвил: «Никогда».

Услыхав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге
мрачной,
«Верно, был он, — я подумал, — у того,
чья жизнь — Беда,
У страдальца, чьи мученья возрастали, как течение
Рек весной, чье отречение от Надежды навсегда
В песне вылилось — о счастье, что, погибнув
навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда».

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии
безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это — Ворон, Ворон, да».
Но о чем твердит зловеший этим черным
«Никогда»,
Страшным криком «Никогда».

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И с печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда:
Я один, на бархат алый та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда.

Но, постой, вокруг темнеет, и как будто кто-то веет,
То с кадилницей небесной Серафим пришел

сюда?

В миг неясный упоенья я вскричал: «Прости,
мученье!

Это Бог послал забвенье о Леноре навсегда,
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!»

Каркнул Ворон: «Никогда».

И вскричал я в скорби страстной: «Птица ты
иль дух ужасный,

Искусителем ли послан иль грозой прибит сюда, —
Ты пророк неустрашимый! В край печальный,

нелюдимый,

В край, Тоскою одержимый, ты пришел ко мне

сюда!

О, скажи, найду ль забвенье, я молю, скажи, когда?»

Каркнул Ворон: «Никогда».

«Ты пророк, — вскричал я, — вещей! Птица ты

иль дух зловещий,

Этим Небом, что над нами — Богом, скрытым

навсегда —

Заклинаю, умоляя, мне сказать, — в пределах Рая

Мне откроется ль святая, что средь ангелов всегда,

Та, которую Ленорой в небесах зовут всегда?»

Каркнул Ворон: «Никогда».

И воскликнул я, вставая: «Прочь отсюда, птица

злая!

Ты из царства тьмы и бури, — уходи опять туда,

Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья,

черной,

ЭДГАР АЛЛАН ПО

Удались же, дух упорный! Быть хочу – один всегда!
Вынь свой жесткий клюв из сердца моего,
где скорбь – всегда!»

Каркнул Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит зловещий. Ворон черный.

Ворон вещей,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда,
Он глядит, уединенный, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, на полу дрожит
всегда,

И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет никогда!

Грустный, шелковый, не резкий шорох алой
занавески
Мучил, полнил странным страхом, что не знал я
до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго
повторенья
Я твердил: «То — посещение просто друга одного»,
Повторял: «То — посещение, поздно, друга одного,
Друга, больше ничего».

Наконец, спокойный внешне, я на стук сказал
поспешней:
«Сэр иль мистрис, извините, что молчал я до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслышал я,
Слабый стук не разобрал я, — стук у входа моего».
Говоря, открыл я настежь двери дома моего:
Тьма, и больше ничего.

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я,
одинокий,
Полный грез, что ведать смертным не давалось
до того.
Все безмолвно было снова, тьма вокруг была
сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.
Я шепнул: «Ленора»; эхо повторило мне его,
Эхо, больше ничего.

Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук услышал, и сильнее, чем
до того.
Но сказал я: «Это ставней ветер зыблет
своенравней,

Им был вызван страх недавний, ветром,
 только и всего.
 Успокойся, сердце! взглянем, что там, только и всего,
 Взглянем, больше ничего».

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
 Статный, древний Ворон, крыльев шумом славя
 торжество.
 Поклониться не хотел он, не колеблясь полетел он,
 Словно лорд или леди, сел он – сел у входа моего,
 Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
 Сел, и больше ничего.

Я, с улыбкой, мог дивиться, как эбеновая птица,
 В строгой важности, сурова и горда была тогда.
 «Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок
 и упорен,
 Древний, вещий Ворон, странник с берегов,
 где Ночь всегда!
 Как же ты, в стране Плутона, пышно прозван?»
 Он тогда
 Каркнул: «Больше никогда!»

Птица ясно прокричала, изумив меня немало.
 Пусть ответ был без значенья, и слова не шли сюда,
 Но кому ж благословенье было – ведать посещение
 Птицы, что над дверью сядет, величава и горда,
 Что на белом бюсте сядет, величава и горда,
 С кличкой: «Больше никогда!»

Сев на бюст уединенно, Ворон каркал монотонно
 Лишь два слова, словно душу вылил в них он
 навсегда.